

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-81-87

ТРАГЕДИЯ ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ Н. А. БЕРДЯЕВА

Александр Валерьянович Видершпан¹, Сергей Владимирович Самаркин²

^{1,2} Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Республика Казахстан

¹ vav0571@mail.ru, 0000-0001-8770-3179

² ssamarra@mail.ru, 0000-0002-0451-6800

Аннотация. Рассматривается феномен творчества. Авторы пытаются раскрыть значение творчества для культуры. Оно определяется как процесс создания принципиально нового. Обосновывается возможность как продуктивного, так и репродуктивного творчества. Последнее, не являясь созданием принципиально нового для культуры в целом, выступает созданием принципиально нового для отдельного человека. На этом основании авторы делают вывод о принципиальной способности к творчеству всех людей. Это вызывает закономерный вопрос о том, почему, имея способность к творчеству, большинство людей отказывается от него? Авторы видят ответ на этот вопрос в трактовке творчества в концепции Н. А. Бердяева, который, рассматривая творчество, приходит к выводу о его трагизме. Суть творческого процесса, по мнению авторов, заключается в способности человека увидеть необычное в обычном и реализовать свое видение на практике. Для Н. А. Бердяева в этом процессе определяющим является не культурологический аспект творчества, заключающийся в создании новых элементов культуры, а экзистенциальный аспект — переживание человеком в творческом акте выхода из мира имманентного в мир трансцендентный. Выходя из имманентного мира в мир трансцендентный, человек освобождается от оков реальности, в творческом акте он обретает свободу. Творческий акт, по Н. А. Бердяеву, это свободное создание человеком нового мира, которое осуществляется в его воображении. Однако, создавая новый мир, человек вынужден реализовывать свой творческий замысел материальными средствами. Именно поэтому результат творчества никогда полностью не соответствует творческому замыслу. В этом Н. А. Бердяев и видит трагедию творчества. Авторы считают, что трагичность творчества является одной из двух главных причин отказа человека от творческой деятельности. Разочаровываясь раз за разом в плодах творчества, человек приходит к убеждению в бесполезности самого творчества и отказывается от него, предпочитая творчеству покой и комфорт. Вторая причина отказа от творчества, по мнению авторов, связана с положением концепции А. Тойнби о противоречии между культурой и цивилизацией. Будучи сама продуктом культурного творчества, цивилизация становится застывшими догмами, которые тормозят дальнейшее творчество. Человеку в процессе социализации внушается, что возможно, а что нет, и в результате у него образуется зашоренность, ограничивающая и сдерживающая его творческие порывы. Авторы считают, что потребность в творчестве, как потребность выйти из имманентного мира обыденности, присуща человеку от природы. По их мнению, кроме творчества как создания новых элементов культуры, есть два способа удовлетворить эту потребность. Первый путь — созерцание прекрасного, более спокойный и менее творческий, так как лишен трагического противоречия между замыслом и его реализацией. Второй более трагичный и творческий — это любовь, которая требует самопожертвования и выходит за рамки имманентного бытия. Творчество необходимо и культуре и человеку. Культуре оно позволяет не остановиться в развитии, создавая всё новые ее элементы. Человеку оно, несмотря на весь трагизм, позволяет раскрыть свой творческий потенциал, вырваться из имманентного мира необходимости в трансцендентный мир свободы. Именно в творческом акте человек становится психологически равен Богу, как творец равен творцу.

Ключевые слова: творчество, продуктивное творчество, репродуктивное творчество, культура, имманентное, трансцендентное, свобода, творческий акт, трагедия творчества, созерцание прекрасного, любовь

Для цитирования: Видершпан А. В., Самаркин С. В. Трагедия творчества в философской системе Н. А. Бердяева // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 10 (504). С. 81–87. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-81-87.

Original article

THE TRAGEDY OF CREATIVITY IN THE PHILOSOPHICAL SYSTEM OF N. A. BERDYAEV

Alexander V. Vidershpan¹, Sergey V. Samarkin²^{1,2} Kostanay branch of Chelyabinsk State University, Kostanay, Kazakhstan¹ vav0571@mail.ru, 0000-0001-8770-3179² ssamarra@mail.ru, 0000-0002-0451-6800

Abstract. This article examines the phenomenon of creativity. The authors attempt to elucidate the significance of creativity for culture. It is defined as the process of creating something fundamentally new. The possibility of both productive and reproductive creativity is substantiated. The latter, while not creating something fundamentally new for culture as a whole, does create something fundamentally new for the individual. Based on this, the authors conclude that all people possess the fundamental capacity for creativity. This raises the logical question of why, despite possessing the capacity for creativity, most people abandon it. The authors see the answer to this question in N. A. Berdyaev's interpretation of creativity, which, in examining creativity, concludes that it is tragic. The essence of the creative process, according to the authors, lies in a person's ability to see the unusual in the ordinary and to realize this vision in practice. For N. A. Berdyaev, the defining aspect of this process is not the cultural aspect of creativity, which consists of creating new cultural elements, but the existential aspect — the person's experience, through the creative act, of moving from the immanent world to the transcendental. Emerging from the immanent world into the transcendental, man is freed from the shackles of reality; in the creative act, he finds freedom. The creative act, according to N. A. Berdyaev, is man's free creation of a new world, realized in his imagination. However, in creating a new world, man is forced to realize his creative vision through material means. This is precisely why the result of creativity never fully corresponds to the creative intent. This is where N. A. Berdyaev sees the tragedy of creativity. The authors believe that the tragedy of creativity is one of the two main reasons why people abandon creative activity. Repeatedly disappointed in the fruits of creativity, a person comes to the conviction of the futility of creativity itself and abandons it, preferring peace and comfort to creativity. The second reason for abandoning creativity, according to the authors, is connected to A. Toynbee's concept of the contradiction between culture and civilization. Being itself a product of cultural creativity, civilization becomes entrenched in rigid dogmas that hinder further creativity. During socialization, people are indoctrinated into what is and is not possible, resulting in a narrow-mindedness that limits and inhibits their creative impulses. The authors believe that the need for creativity, as a need to escape the immanent world of everyday life, is inherent in humans. In their view, besides creativity as the creation of new cultural elements, there are two ways to satisfy this need. The first is contemplation of beauty, a more tranquil and less creative approach, as it is devoid of the tragic contradiction between concept and its realization. The second, more tragic and creative, is love, which requires self-sacrifice and transcends the boundaries of immanent existence. Creativity is essential for both culture and humanity. It allows culture to continue its development, continually creating new elements. Despite all its tragedy, it allows man to unleash his creative potential, to break free from the immanent world of necessity into the transcendent world of freedom. It is in the creative act that man becomes psychologically equal to God, as one creator is equal to another.

Keywords: creativity, productive creativity, reproductive creativity, culture, immanent, transcendent, freedom, creative act, tragedy of creativity, contemplation of beauty, love

For citation: Vidershpan AV, Samarkin SV. The Tragedy of Creativity in the Philosophical System of N. A. Berdyaev. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(10(504):81-87. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-81-87.

Введение

Когда человек задумывается о смысле жизни, назначении истории, развитии культуры и цивилизации, то он, вольно или невольно, обращается к творчеству. Даже в священных книгах христиан и мусульман говорится о том, что Бог сотворил мир актом своей воли из ничего. Таким образом, признается, что в основе мира лежит творческий акт. В эпоху Возрождения складывается понимание того, что творчество присуще не только Богу, но и человеку, возникает и распространяется идея

человека-творца, который именно в этом качестве соравен Богу. Бог творит мир из ничего, но и человек творит, творит из мира природы мир культуры, преобразуя природный мир, создавая вторую природу, которая и делает мир более пригодным и удобным для бытия человека. По сути именно этот процесс, процесс создания мира культуры, создания инноваций — новых элементов культуры и лежит в основе развития общества, человеческой истории и очеловечивания самого человека. Именно поэтому человека всегда волновал вопрос

природы творчества, его, если так можно выразиться, механизма действия. Безусловно, исследование творчества стало предметом анализа многих учёных и философов, но, на взгляд авторов, наиболее емко этот процесс раскрывается в творчестве Н. А. Бердяева. Именно его философскую концепцию творчества и причин его трагичности мы, не претендуя на полноту анализа, попытаемся рассмотреть в данной работе.

Основная часть

Говоря о проблеме творчества, необходимо определиться с предметом обсуждения. Пожалуй, одно из самых кратких и емких определений творчества можно найти у П. Ф. Дика. Петр Францевич так определяет творчество: «Творчество — процесс создания качественно новых явлений культуры» [1, с. 571]. В этом определении схвачена самая суть творчества — создание принципиально нового. Однако философы и культурологи выделяют два вида творчества — продуктивное и репродуктивное.

Собственно принципиально новое создается человеком именно в процессе продуктивного творчества, а репродуктивное творчество осуществляется в том случае, когда человек создает элементы культуры, которые уже известны человечеству, но являются новыми для данного конкретного человека. Казалось бы, последний вид деятельности не подходит под определение творчества. Однако так может казаться лишь до тех пор, пока не начинаешь разбираться в собственно механизме творчества.

Как происходит творческий процесс, с чего он начинается, все ли люди к нему способны? Это вопросы, на которые нет однозначного ответа. Авторы в ответах на эти вопросы исходят с позиций Н. А. Бердяева. Если говорить о началах творчества, то можно обратить внимание на то, как объясняется зарождение философии в учебнике философии под редакцией В. П. Кохановского. [2]. Задавшись вопросом «Из чего и как “рождается” философия?» [2, с. 14], авторы учебника ссылаются на мнение Аристотеля, который считал, что «всё наше знание, а философское знание в особенности, обязано своим происхождением такой счастливой способности человека, как способность удивляться» [2, с. 14–15].

Далее авторы учебника утверждают: «Способность удивляться (любопытность) — драгоценное свойство человека, наполняющее его жизнь ожиданием всё больших и больших радостей от свободной игры ума, сближающей мыс-

лящего человека с богами» [2, с. 15]. На взгляд авторов, это одно из важнейших положений, которое говорит о том, что именно способность удивляться, способность не воспринимать мир как данность, а, удивившись, искать объяснение явлениям мира, отличает человека от животного. Если животное воспринимает мир как данность, таким, какой он есть, то человек готов искать причины явлений, задавать вопросы и, в конечном итоге, преобразовывать мир. Кошка, собака, родившиеся в подвале, не задаются вопросом: «почему я живу в подвале, мерзну, голодаю, а такая же кошка или собака, живущие в семье, окружены заботой, вниманием?» Они воспринимают условия своей жизни как данность и лишь приспосабливаются к ним. Человек же, удивившись, задается вопросами: «почему небо голубое, почему трава зеленая, почему я смертен?..» Задавшись же этими вопросами, он начинает творческий процесс поиска ответов и преобразования мира. Второй момент, который вытекает из этого положения, нам говорит о том, что на творчество способен каждый, ведь способность удивляться, любознательность присущи в большей или меньшей степени всем людям.

Определив, что способность удивляться отличает человека от животных и присуща всем людям, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: «Почему же, если на творчество способны все, большинство людей не творит?» Марксисты отвечают на этот вопрос тем, что социальные условия жизни большинства людей настолько тяжелы, что не способствуют творчеству. Но даже они говорят о «творчестве масс». Более того, теории, политические программы, социальные и философские учения, как собственно и марксизм, создаются не массами, а отдельными творческими личностями. История знает немало примеров творчества людей, которые не относились к обеспеченным слоям общества, и, напротив, большинство представителей «элиты» тратят свои время, силы, ресурсы не на творческий поиск, а на получение максимального удовольствия от жизни. Все социалисты, от социалистов-утопистов — Т. Мора, Т. Кампанеллы, до представителей диалектического материализма — К. Маркса, Ф. Энгельса, мечтали, что, освободившись от эксплуатации, человек получит больше свободного времени, которое будет использовать на творчество. Опыт современного «общества потребления» свидетельствует, что получивший свободное время благодаря достижениям современной науки и техники человек в большинстве своем совсем не торопится

тратить это время на творчество, предпочитая ему получение удовольствий.

Подсказку к разгадке этого противоречия желаемого и действительного мы можем найти в творчестве Д. Гранина. В книге «Иду на грозу» приводится диалог молодых ученых, которые обсуждают научное творчество. В этом диалоге интересны слова, которые один из героев говорит о гениальном физике. Д. Гранин пишет: «В чём секрет таланта Данкевича? Были математики способнее его, были физики, которые знали больше, чем он... Аникеев отвечал на это с улыбочкой:

— Очень просто, Дан видит всё немножко иначе, чем мы, вот и вся хитрость» [3, с. 136].

Главная мысль данной цитаты, на наш взгляд, заключается в том, что основой творчества является способность увидеть обычные вещи с необычной стороны, то есть способность удивляться тому, что другими воспринимается как данность, как само собой разумеющееся. Мы считаем, что в детстве эта способность присуща каждому, более того, в детстве и юности мы осваиваем огромный объем информации и навыков, которые уже известны человечеству, но для нас являются новыми. В это время мы открываем для себя всё это заново. При этом не важно, что эти знания уже известны другим, мы открываем их для себя сами, и процессы, которые при этом происходят в нашем сознании, не отличаются от процессов, которые происходят в сознании творца, который открывает что-то совсем новое. Конечно, в случае репродуктивного творчества нам помогают учебники и те, кто до нас уже открыл то, что мы открываем для себя. Поэтому, наверное, такое творчество несколько проще осуществлять, чем открытие абсолютно нового, но тем не менее каждый раз, когда мы узнаем что-то новое, пытаемся сделать что-то новое в первый раз, мы вынуждены смотреть на известные нам вещи с неизвестной стороны, а это и есть творческий процесс. Таким образом и осуществляется репродуктивное творчество, и по крайней мере такое творчество в процессе социализации проходит каждый человек, живущий в обществе. Так почему же со временем большинство людей перестают осуществлять творчество, неужели с возрастом мы утрачиваем эту способность?

Биологи и психологи считают, что у человека действительно снижаются когнитивные способности, но проблема в том, что большинство людей перестают творить задолго до того, как эти процессы становятся значимыми. Нам кажется, что именно бердяевская идея о трагизме твор-

чества является ключом и к пониманию «механизма» творчества, и к пониманию того, почему большинство людей с возрастом отказываются от творчества. Безусловно, подробнейший анализ творчества Н. А. Бердяев делает в книге «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» [4]. Однако, на взгляд авторов, более концентрированно и зрело (хотя и более кратко) анализ творчества Николай Александрович делает в книге «Самопознание» [5]. В первую очередь Н. А. Бердяев, не отрицая культурологический смысл творчества как создания культурных ценностей, обращает внимание на его трансцендентный смысл. В таком понимании творчество выступает для него как прорыв из мира имманентного в мир трансцендентный.

Обосновывая эту мысль, Николай Александрович пишет: «Творчество неотрывно от свободы, лишь свободный творит... В творческой свободе есть неизъяснимая и таинственная мощь созидать из ничего, недетерминированно, прибавляя энергию к мировому круговороту энергии. Акт творческой свободы трансцендентен по отношению к мировой данности, к замкнутому кругу мировой энергии. Акт творческой свободы прорывает детерминированную цепь мировой энергии, и для точки зрения имманентной мировой данности акт этот всегда должен представляться творчеством из ничего» [4, с. 139–140].

Такая постановка вопроса о творчестве говорит о том, что творчество выступает своеобразным озарением. «Творческий акт, утверждает Н. А. Бердяев, в своей первоначальной чистоте направлен на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую землю, на преображение мира. Но в условиях падшего мира он отяжелевает, притягивается вниз, подчиняется необходимому заказу, он создает не новую жизнь, а продукты большего или меньшего совершенства... Есть несоответствие между творческим взлетом и творческим продуктом» [5, с. 463]. Таким образом, в своем творческом акте человек стремится вырваться из мира обыденности, мира имманентного в мир трансцендентный. Стремление вырваться из мира обыденного — это свойство свободного человека, его потребность оправдаться творчеством (перед Богом, по мнению Н. А. Бердяева). Человек поднимается к творчеству как на вершину своего духовного бытия, именно в творческом акте человек становится по-настоящему свободным, в «творческом экстазе» [5, с. 465] он реализует свободу для положительной деятельности. Любая свобода от чего-то требует направления ее на что-то. Но для человека невозможно жить всё

время в мире трансцендентном. Как существо земное, человек вынужден возвращаться в мир имманентный, так как сам материален и нуждается в материальных ресурсах для поддержания своего существования. Но даже не в этой краткости творческих прорывов заключается трагедия творчества. Как уже упоминалось, у Н. А. Бердяева творческим актом создается новый мир, однако воплощать творческий замысел приходится имеющимися материальными средствами. Именно поэтому продукт творчества никогда полностью не совпадает с творческим замыслом.

Творец, возвращаясь из творческого трансцендентного прорыва, обнаруживает: то, что он прозрел в этом прорыве и попытался воплотить, совсем не совпадает с тем, что получилось в результате. Оказываясь в такой ситуации раз за разом, человек смиряется с тем, что ему не дано реализовать свой творческий замысел, и отказывается от самого творчества.

Кроме того, как показал уже другой мыслитель — О. Шпенглер, плоды творчества, реализованные в культурных продуктах, со временем становятся оковами для дальнейшего творческого процесса, превращаются в «цивилизацию» [6, с. 45–50]. Застывшие плоды творчества — каноны написания картин, создания литературных произведений, музыки, моральные, правовые, религиозные и традиционные нормы, социальные институты, средства, орудия и методы труда и многие другие культурные достижения, будучи раз созданы в результате творческого акта, со временем становятся догмами, которые как бы обозначают границы: «так возможно, а этого не может быть, потому что не может быть никогда». Таким образом, они как бы становятся ограничителем творческого процесса, догмами, преодоление которых с накоплением традиций в той или иной области культуры становится всё более и более затрудненным. Какое только творческое применение не находит ребенок предметам быта, пока не знает для чего они предназначены, но со временем, в процессе социализации человек узнает культурные нормы, присущие данной культуре и ему становится всё труднее выходить за обозначенные рамки, появляется внутренняя зашоренность.

Именно две эти причины — несоответствие результата творческому замыслу и давление культурных образцов, определяющих рамки возможного и невозможного в деятельности человека, приводят к угасанию творческого начала у большей части человечества в зрелом возрасте. При этом потребность в выходе из серой обыденности

имманентного мира к вершинам трансцендентного у человека остается.

Человек пытается удовлетворить эту потребность, обращаясь к искусству. Об этом и говорит Н. А. Бердяев, но при этом отмечает существенное отличие созерцания искусства от самостоятельного творчества. Он пишет: «В созерцании высшего, прекрасного, гармонического созерцающий переживает момент творческого экстаза» [5, с. 472]. Однако, по мнению Николая Александровича, «...самые моменты созерцания не знают борьбы, конфликта, мучительного противления и затруднения, эти состояния преодолеваются. Этим созерцание отличается от других форм активности духа. И человек должен периодически приходить к моментам созерцания, испытывать благодатный отдых созерцания» [5, с. 472].

Творческий подъем в процессе созерцания лишен трагизма, именно это делает его, несмотря на духовную работу, отличным от творчества. Но это же отсутствие трагизма, на наш взгляд, делает созерцание наиболее удобным и спокойным видом реализации потребности человека в выходе из мира имманентной обыденности в мир трансцендентный. Мы считаем, что, поскольку такой прорыв к высшему не требует, в отличие от творчества, напряжения всех сил, он поэтому со временем становится основным для большинства людей. Таков первый путь удовлетворения потребности к выходу из мира имманентного в мир трансцендентный, которым человек, возможно и скорее всего неосознанно, заменяет творчество.

Второй путь более творческий и трагичный. Интересно, что взгляды авторов на этот момент, во многом совпадающие с позицией Н. А. Бердяева, сложились до знакомства с его работой «Смысл творчества» [4, с. 199–216], в которой Николай Александрович и рассматривает любовь как творчество. Мы рассматриваем любовь как особый вид творчества, в котором человек выходит из мира имманентного в мир трансцендентный. В любви человек творит образ любимого и старается преобразовать себя, чтобы соответствовать этому образу.

В работе Н. А. Бердяева мы нашли подтверждение этой позиции. Он пишет: «Любовь свободное художество» [4, с. 207]. Далее Николай Александрович глубже раскрывает эту мысль: «В творческом акте любви раскрывается творческая тайна лица любимого. Любящий прозревает лицо любимого через оболочку природного мира, через кору, лежащую на всяком лице. Любовь есть путь к раскрытию тайны лица, к восприятию лица в глубине

его бытия. Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда более прав, чем весь мир» [4, с. 207]. Последняя фраза напрямую характеризует любовь как творчество, ведь этой фразой Н. А. Бердяев нам говорит, что любящий видит в лице любимого что-то такое, чего не видит весь мир. То есть в обычном для всех в мире лице любящий видит нечто необычное, а это первый, самый важный этап творчества — увидеть в обычном необычное, посмотреть на обычные вещи с необычной стороны. И любовь трагична, как и всё творчество. Н. А. Бердяев объясняет это так: «Любовь — трагична в этом мире и не допускает благоустройства, не подчиняется никаким нормам, любовь сулит любящим гибель в этом мире, а не устройство жизни. И величайшее в любви то, что сохраняет ее таинственную святость, это — отречение от всякой жизненной перспективы, жертва жизнью» [4, с. 206].

От себя можем добавить, что и творчество жертвенно, так как что-то по-настоящему новое не признается обществом и, как мы видели ранее, самому творцу помимо «творческого экстаза» приносит неудовлетворенность и разочарование в его плодах.

Вывод

Творчество есть процесс духовный, возвышающий человека над обыденностью. Культурная суть творчества заключается в создании новых культурных ценностей, но само это создание не есть самоцель творчества. Оно ценно само по себе и осуществляется не для создания культурных ценностей, а для выхода из серой обыденности. Человек в творческом акте создает в своем воображении новый мир, но реализовывать замы-

сел ему приходится материальными средствами. Именно поэтому результат творчества никогда полностью не совпадает с творческим замыслом. Именно в этом заключается трагизм творчества. Кроме того, цивилизация, как застывший продукт творчества, устанавливает рамки возможного и служит препятствием для дальнейшего творческого поиска. Это обусловлено тем, что любой творческий акт начинается с того, что человек видит в обычных вещах нечто необычное. Но установленные рамки зашоривают человека, мешают творческому процессу.

На творчество способны все. Но в силу указанных выше двух причин большинство отказываются от творчества в пользу комфорта. Однако постоянно жить в серой обыденности человек не может, и поэтому он находит такие способы реализовать свою потребность в творчестве через созерцание прекрасного и любовь. И первое, и второе (первое в меньшей, а второе в большей степени) носят творческий характер.

Творчество трагично, но необходимо и культуре для ее развития, и человеку для реализации его потребности в духовном возвышении. Оно позволяет человеку в творческом акте вырваться из имманентного мира необходимости в трансцендентный мир свободы. В творческом акте свободный человек психологически чувствует себя равным Богу, как один творец может быть равен другому творцу. Именно это в концепции творчества Н. А. Бердяева и обозначается как «оправдание творчеством» [5, с. 461]. И, наверное, пока у человека существует потребность в творчестве, он останется человеком, а человеческий мир будет существовать.

Список источников

1. Дик П. Ф. Основы культурологии : учебный комплекс для вузов и колледжей. 2-е изд., перераб. и доп. Костанай, 2013. 597 с.
2. Философия : учебное пособие для высших учебных заведений / отв. ред. В. П. Кохановский. 20-е изд. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 568 с.
3. Гранин Д. Иду на грозу : роман. М. : Высшая школа, 1989. 359 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М. : Академический проект, 2024. 346 с.
5. Бердяев Н. А. Самопознание. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. 624 с.
6. Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории : пер. с нем. (Полное издание в одном томе. М. : Альфа-книга, 2014. 1085 с.: ил.

References

1. Dick PF. Fundamentals of Cultural Studies. A Textbook for Universities and Colleges. 2nd ed., revised and expanded. Kostanay, 2013. 597 p. (In Russ.).

2. Philosophy: A Textbook for Institutions of Higher Education. Ed. by V. P. Kokhanovsky. 20th ed. Rostov on Don; 2010. 568 p. (In Russ.).
3. Granin D. Going into a Storm. A Novel. Reprinted. Moscow; 1989. 359 p. (In Russ.).
4. Berdyaev NA. The Meaning of Creativity. The Experience of Human Justification. Moscow; 2024. 346 p. (In Russ.).
5. Berdyaev NA. Self-Knowledge: Works. Moscow; Kharkov; 2001. 624 p. (In Russ.).
6. Spengler O. The Decline of the Western World. Essays on the Morphology of World History. Complete edition in one volume. Translated from German. Moscow; 2014. 1085 p.: ill. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Видершпан — кандидат философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

С. В. Самаркин — кандидат исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, член научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана Костанайской области.

Information about the authors

A. V. Vidershpan — Candidate Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences.

S. V. Samarkin — Candidate Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences, Member of the Scientific and Expert Group of the Assembly of the People of Kazakhstan of the Kostanay Region.

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 28.10.2025.

The article was submitted 18.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 28.10.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.